

РЕШЕНИЕ

Фантастический рассказ

I

Чрез час, — сказал. — Устроит?
 — Вполне, — ответил Костин. — Спасибо, Боря.
 Болл, отключаясь, резко повернул радиобраслет. В сущности, он не слишком удивился экстремному вызову, хотя именно сейчас, когда «Сиррус» стал на профилактику, это было более чем странно.

Вставать было лень: все-таки легли они вчера достаточно поздно. Ну да ладно. Он рывком сел, спустил ноги на пол, утонув ступнями в мягком, щекочущем ворсе. Этот пол Ружена сделала без него; раньше, помнится, был другой — серый, эластичный... как его?.. А этот как называется? Надо будет спросить...

Болл сделал зарядку — упрощенный, «отпускной» комплекс, вызвал инимобиль и даже успел наскоро перекусить, прежде чем под окнами раздался его переливчатый сигнал.

Еще через полчаса он уже вышел из лифта и, пройдя по длинному коридору, сводчатым потолком напоминавшему корабельный, оказался перед кабинетом координатора Ксенийской базы Пионеров. Он машинально, по старой, курсантской еще привычке одернул куртку и шагнул в распахнувшуюся дверь.

Кроме самого Костина, в кабинете было еще двое: Свердлуф, генеральный диспетчер Транспортного Совета, и какая-то дородная блондинка с умопомрачительным профилем. Все трое сидели вокруг маленького столика и потягивали что-то из высоких конических стаканов. Судя по цвету, синт.

Костин поднялся ему навстречу. Был он невысок, коренаст и угловат.

— Знакомьтесь. Доктор Ниша Лазарева из Обсерватории, шеф-пилот Борис Болл.

Блондинка небрежно кивнула; Болл в ответ поклонился подчеркнуто церемонно. На Ксении было две обсерватории: Андроновская на Архипелаге и Верхняя в Готических горах; года три назад к ним прибавилась еще одна, вынесенная на искусственный спутник; ее-то и называли просто Обсерваторией.

— С Гаральдом тебя, надеюсь, знакомить не надо?

Болл кивнул и пожал Свердлуфу руку.

— Так в чем, собственно, дело, Миша? — спросил Болл, садясь и принимая из рук Свердлуфа стакан. Это действительно был синт.

— Как тебе сказать... Конечно, ты в отпуске, так что имеешь полное право отказать... Но, понимаешь, возникло тут одно обстоятельство... Вот мы и решили побеспокоить тебя...

— Короче, Миша.

— А короче... Нина, может быть, вы введете Бориса в курс дела?

Блондинка заговорила. Голос у нее оказался под стать фигуре: полный, сочный, глубокий — было в нем что-то такое... рубensoвское. Но говорила она толково — сжато, четко, даже суховато, пожалуй.

Шестнадцатого числа Обсерватория, проводя наблюдения Хурры, засекала некий объект, входящий в систему со скоростью шестьсот шесть плюс-минус два километра в секунду и первоначально принятый за ядро возвращающейся из афелия кометы. Однако последующие наблюдения заставили пересмотреть такую точку зрения. Объект движется под углом в $27^{\circ}13'$ к плоскости эклиптики, которую пересечет 21 марта между орбитами Орки и Гаазы в 16 часов 27 минут. Орка в этот момент будет находиться на расстоянии, достаточном, чтобы не вызвать возмущений в орбите объекта, а более близкая Гааза не сможет этого сделать в силу своей малой массы. Затем объект, продолжая свое прямолинейное движение (а движение его является именно прямолинейным), начнет удаляться в мировое пространство в направлении Беты Ахава, которой при условии сохранения существующей скорости и достигнет через 4960 лет. От Ксении он пройдет на расстоянии сто пятнадцать плюс-минус полтора миллиона километров. Снимки объекта, переданные автоматической станцией ИС-79, позволяют предположить, что он имеет искусственное происхождение, то есть, попросту говоря, является космическим кораблем. Последнее косвенно подтверждается и прямолинейностью движения.

— Только почему он не отвечает на вызовы? — подал голос Свердлуф. — Аларм-то в любом случае работать должен!

— Мы запросили Совет Астрогации, — продолжал Свердлуф. — Ни о каких внеплановых или ведомственных кораблях в нашей зоне там неизвестно. Корабли ксенийской приписки идут в графике, так что ни один из них с данным объектом идентифицирован быть не может.

— А в чужака мне что-то не верится. Ведь до сих пор... ни с одной цивилизацией... достигшей космической фазы... мы не столкнулись. — Болла всегда раздражала манера Костина говорить периодами, разделенными такими псевдоодышечными паузами. — В любом случае, мне кажется... Налить тебе еще, Боря? — Болл отрицательно помотал головой. — Ну и зря... Так вот. Мне кажется, посмотреть надо. Потому-то мы тебя и побеспокоили.

— Спасибо, — Болл послал Костину самую нежную улыбку, на какую только был способен. — Это я уже понял. Но «Сиррус», как тебе, Миша, может быть, известно, стоит на профилактике. И поднять его я могу минимум через пять суток.

— Это мне известно, — хладнокровно подтвердил Костин. — Но вот у Гаральда есть на этот счет свои... соображения.

— Я не могу снять с линии ни одного корабля, Боря. Да и не слишком подходят для этого каботажники, сам понимаешь.

Конечно, пузатенькие каботажные каргоботы не для таких операций.

— А ни одного мало-мальски подходящего корабля у меня сейчас нет. «Дайна» будет только через двадцать семь суток. Так что не думай, будто мы перекладываем все на Пионеров...

— Я и не думаю.

— Но один вариант все же возможен. У нас есть космоскаф. Серия КСГ. Тебе с ним приходилось иметь дело?

— Приходилось.

— Чудесно. Я, в общем-то, так и знал. У меня, понимаешь, все пилоты в разгоне, а те трое, которых я могу отозвать, — чистые каботажники с наших курсов, они космоскафа, кроме как в учебнике, и не видели.

— Ясно. — Болл встал, отошел к окну. Из окна открывался вид на обширную техпозицию Лорельского космодрома. Хотя, кроме «Сирруса», ни единого корабля здесь не было, машины техобслуживания деловито сновали по полю, с высоты сорок седьмого этажа напоминая диковинных насекомых. Крейсер сейчас больше всего походил на готическую башню со сверкающим шпилем: по его броне ползали неразличимые отсюда полировщики, и носовая оконечность — как раз до гребнаторной опояски — приобрела уже первозданную голубизну, тогда как ниже корпус оставался бурым и бугристым, как древесная кора. «Сиррус» был кораблем заслуженным, теперь таких уже не строили. Серия «С» кончилась «Скилуром», ее сменила серия «К» — «Канова», «Коннор»... Боллу эти тяжеловесные внешне полусферические корабли почему-то не нравились, хотя были они и мощнее и надежнее. «Старею, что ли?..»

— Задание? — спросил он, не оборачиваясь.

— Готово, — мгновенно ответил Костин. — Спасибо, Боря. Я знал, что ты не откажешься.

— Еще бы тебе не знать! Меня только интересует...

— Что?

— Откуда у вас космоскаф, Гаральд?

— Это ты у Захарова спроси, — ухмыльнулся Свердлуф. — Он все может.

— Помню. — Все-таки Болл не один год провел в Линейной Службе. — Но зачем он вам нужен?

— Понадобился, как видишь.

— Убедительно.

Болл требовательно протянул руку, и Костин вложил в нее неведомо откуда взявшуюся папку.

— Кого ты возьмешь, Боря?

— Астрогатором Гуллакяна. Со связистом хуже — Варенцова трогать нельзя. Пожалуй, возьму стажера. Ему же лучше, больше практики. И вот еще что. Я с Руженой поговорю с дороги, а потом ты с ней свяжись, побей себя немножко кулаком в грудь, у тебя это здорово получается, и покайся, что это ты меня принудил.

Доктор Лазарева посмотрела на Болла с явным интересом. Костин хмыкнул.

— Ладно, не впервой. Ну, счастливого пути!

II

— Неужели... чужак? — не выдержал Шорак.

— И чему вас учили в Академии, стажер? — не оборачиваясь, насмешливо произнес Гуллакян. — Ну и молодежь нынче пошла, а, шеф?

Болл всматривался в силуэт, медленно проползающий по кормовому экрану. Силуэт этот казался странным и все же как-то смутно знакомым.

Двое суток космоскаф и сопровождавшие его «мирмеки» висели здесь, поджидая «гостя». И теперь он нагонял их, уже попав в поле зрения кормового локатора.

— Оставь стажера в покое, Геворк. Кстати, Карел кончал Академию Связи, а не Астрогации, заметь. Скорость? — Болл имел в виду скорость «гостя», и Геворк понял.

— Шестьсот шесть в секунду. Идет инерциальным ходом.

Силуэт неизвестного корабля незаметно переполз с кормового экрана на бортовой.

— Уравняй скорости. Дистанция сто по траверзу.

— Есть, шеф-пилот! — Обиженный Гуллакян всегда переходил на уставное обращение. Руки его запорхали над ходовым пультом.

— Шорак! «Мирмекам» — строй треугольника, дистанция пятьдесят, «делай как я».

Шорак бойко затараторил в микрофон:

— КСГ борт 73 к М-213, М-217, М-222. Даю перестроение...

— Уймись ты, — улыбаясь, проворчал Гуллакян, и Шорак перешел на ключ.

Тем временем изображение «гостя» замерло на экране левого борта, и теперь Болл мог рассмотреть его во всех подробностях. Корабль был явно земной постройки. Вот только что это за ребристые диски, расположенные примерно там же, где у крейсеров серии «С» проходит гребнаторная опояска? Словно на иглу-рыбу надели кружевной воротник.

— Геворк?

— Не знаю... Это похоже...

— На романовский, Геворк?

Гуллакян кивнул.

Это был один из немногих кораблей, построенных в короткий период между открытием каналов Романова — узких природных туннелей вырожденного пространства, аналогичных аутспайсу, — и появлением настоящих аутспайс-кораблей, превращающих на своем пути обычное пространство в аутспайс, в котором только и возможно движение со сверхсветовыми скоростями. Таких крейсеров было построено немного, и характерной их особенностью были эти огромные ребристые диски, выполнявшие функции нынешних гребнаторов. Только как они назывались, эти... «протогребнаторы»? Болл никак не мог вспомнить. Впрочем, и не важно это.

— Свет!

Неуловимое движение руки Гуллакяна — и на борту «гостя» вспыхнул яркий голубой овал.

— К корме.

Световое пятно томительно медленно поползло по броне «гостя». Если память не подводила Болла, то название и приписка должны быть обозначены где-то сразу после этих «про-тогребораторов».

— Увеличение, Карел!

Изображение дрогнуло и поплыло навстречу. Болл ощутил легкую перегрузку — так бывает всегда, даже после тридцати лет полетов: когда изображение надвигается на тебя, из-за отсутствия неподвижных ориентиров кажется, что это твое собственное движение, и тело привычно реагирует на него.

Место для надписи было выбрано с расчетом: здесь, позади дисков (они называются синхроторами, вспомнил-таки Болл), броня пострадала меньше всего. Тем не менее прочесть можно было только: «В.. ос. Зем...д.я». Земляндия — это ясно. Но как же он назывался, этот корабль?

— Свяжитесь с Костиным, Карел. И транслируйте ему изображение.

Костин возник на экране секунд через двадцать.

— Ну и динозавра вы поймали, Боря! Я такой только в «Истории астронавтики» видел...

— Я тоже, — отозвался Болл. Он никак не мог оторвать взгляда от «динозавра» — есть в старых кораблях что-то завораживающее. — Откуда он, Миша?

— Это мы выясним. Ждите. — Костин отключился.

На выяснение ушло больше часа.

— Это «Велос», — сказал Костин, возникая на экране. — Первый из романовских кораблей... и, судя по всему, последний... сохранившийся. Построен двести восемьдесят восемь лет назад на верфях Ганимеда... Кстати... «Велос» на каком-то из древних языков — «Быстрый». Каково, а? Только-только за световой барьер выскочили... в каналы романовские влезли... и сразу же — «Быстрый»! А знаешь, откуда он идет? — В голосе его появилось что-то, заставившее Болла оторваться от созерцания старинного крейсера и уставиться на координатора Базы. — С Карантина.

Гуллакян присвистнул. Болл почувствовал, что у него заныли скулы. И только Шорак пока ничего не понимал.

Карантин! Гуллакян, тот знает о нем понаслышке. И то, что он тихонько рассказывает теперь Карелу, лишь сухая объективная информация. Боллу же в бытность свою стажером, таким же, как сейчас Шорак, случилось несколько месяцев поработать в орбитальном патруле у Карантина: тогда еще не был создан электронный барраж, не позволяющий ни одному кораблю совершить посадку, даже просто выйти на атмосферную орбиту, независимо от воли экипажа.

Карантин! Единственная планета, оказавшаяся не только губительной ловушкой, но и до сих пор еще загадкой.

Первый корабль, посланный к НИС-981, второй планетой которой и был Карантин, — этот самый «Велос», неизвестно как

оказавшийся теперь здесь. О судьбе его ничего неизвестно. Он стартовал с Пионерского космодрома на Плутоне, Земляндия. Все.

Семьдесят лет спустя туда ушел аутспайс-крейсер первого ранга «Хаммер». Они оставили на орбите спутник-капсулу, в которой дождалась третьей экспедиции информация об их полете, протекавшем вполне благополучно. Больше о них ничего неизвестно, если не считать того, что еще через девяносто три года третья экспедиция обнаружила «Хаммер» целым и невредимым. И никаких следов его экипажа, экипажа из ста двадцати человек. «Велоса» на Карантине ни тогда, ни впоследствии найти не удалось, что, впрочем, скорее естественно, чем удивительно: найти на планете корабль при условии его полного молчания можно разве что случайно или же после многолетних систематических поисков.

Сама третья экспедиция состояла из аутспайс-крейсера первого ранга «Криста» и приданного ей вспомогательного карго-бота «СД-717-бис», оставшегося на орбите, когда «Криста» пошла на посадку. «Криста» была вполне современным по тому времени кораблем, а о ее шеф-пилоте, Юване Шайгине, Болл немало слышал от деда, ходившего с Шайгиным еще на «Океане». Экспедиции было предписано произвести детальную зонд-разведку и затем сесть и развернуться по процедуре «А». Но зонды передавали лишь белый шум, а на планете экспедицию не спасли ни защитное силовое поле, ни непробиваемая броня крейсера, ни умение людей. Первая передача сообщала об обнаружении «Хаммера» и заканчивалась традиционным «Все в порядке». Вторая — шесть часов спустя — состояла из нескольких слов: «Высадка невозможна... Это страшно... Посадку запрещают (последнее относилось к «СД-717-бис»). Только автоматы».

С тех пор люди больше не пытались высаживаться на Карантин, объявленный запретной зоной. Была создана орбитальная станция. Вокруг планеты организовали патрулирование, потому что легионы энтузиастов ринулись туда на самых что ни на есть удивительных кораблях, вплоть до одноместных гоночных «арсов». На планете работали автоматы, но до сих пор не удалось выяснить ничего, хоть в малой мере объяснявшего бы гибель трех экспедиций. Когда вместо людей были высажены традиционные собаки, они попросту исчезли. Не погибли, а исчезли, как будто их никогда не было.

И что самое удивительное — от этого не спасали даже скафандры высшей защиты. Скафандры оставались целыми, но живые существа, в них заключенные, исчезали.

Загадка. Сплошные загадки.

Почему исчезали на Карантине биоструктуры?

Почему третьей экспедиции все же удалось продержаться сутки?

Почему автоматы, проверенные на десятках других планет, вместо осмысленной информации передавали на станцию белый шум?

И вот теперь к ним прибавилась еще одна загадка: исчезнувший «Велос» объявился здесь, в системе НИС-641, в трех-

стах пятидесяти семи парсеках от Карантина и девяносто восьми от Земляндии.

— Что будем делать, Миша? — спросил Болл.

И впервые за много лет услышал:

— Не знаю. Надо созвать совещание. Один я этого решить не могу. И мы с тобой не можем.

III

Бедняга стажер умотался, созывая это совещание. Но в конце концов на мозаике черно-белых экранов АС-связи возникли все участники: Костин, восседающий за столом в своем кабинете; координатор Транспортного Совета Дубах и его правая рука, генеральный диспетчер Свердловф, которых удалось поймать в Исследовательском центре; член Совета Мирос Нильс Брюн, председатель Совета Ксении; Жоа Перейра, ксенобиолог; последним был некто из Совета Геогиены, присутствовавший незримо, потому что нашли его где-то, где не было экрана, и он включился через экстренный канал. Звали геогиениста Вацлавом, он был из новеньких, и Болл его не знал.

Костин насколько мог бегло обрисовал положение, после чего слово взял Дубах. Поскольку данное совещание прямо интересов Транспортного Совета не затрагивает, а посильное участие в организации встречи «Велоса» Совет уже принял, выделив свой космоскаф, участие членов Совета в данном, и без того представительном, совещании кажется ему, Дубаху, нецелесообразным. Если же выяснится, что Транспортный Совет может оказать в исполнении решения данного совещания какую-то помощь, его, Дубаха, в течение всего сегодняшнего дня можно будет застать в Исследовательском, а в крайнем случае найти по экстренному каналу. С чем он и отключился, а вместе с ним исчезла с экрана и виноватая физиономия Свердловфа.

Брюн предложил было посадить «Велос» где-нибудь в северной оконечности Пасифиды, откуда до ближайшего поселения больше пятнадцати тысяч километров, но после исчерпывающих пояснений Костина об опасности заражения тут же сыграл отбой.

— В таком случае мне представляется единственно правильным оставить корабль на достаточно высокой орбите, с тем чтобы впоследствии исследовать его силами специальной комиссии, которую, несомненно, организует Совет Астрогации.

— На ксеноцентрической орбите оставлять «Велос» нельзя, — вмешался Вацлав. — Слишком близко к планете и слишком оживленная зона. Вообще же вопрос об опасности, которую может представлять собой «Велос», находится в компетенции Института Ксенобиологии. Может быть, доктор Перейра скажет по этому поводу что-нибудь определенное?

— Доктор Перейра, увы, ничего определенного сказать не может. И прежде всего потому, что неизвестно, относится ли вообще проблема Карантина к области ксенобиологии или же к какой-то другой области. Но поскольку исключать возмож-

ность биологической опасности, если «Велос» действительно побывал на Карантине, нельзя, лучше всего законсервировать его на достаточно нейтральной орбите.

— Слушайте, шеф-пилот, а люди? — гихонько сказал Шорак. — Если там люди?

Болл отключил микрофон.

— Нет там людей, Карел, — как мог, мягко улыбнулся он, глядя на побледневшее лицо стажера. — Нет и быть не может. Они в космосе уже без малого триста лет. В экипаже были одни мужчины. И анабиованн у них не было.

— Итак, — резюмировал Костин, — можно считать единодушным следующее решение. Космоскаф шеф-пилота Болла силами автоматических буксиров «мирмека М-213», «мирмека М-217» и «мирмека М-222» отбуксирует «Велос» на орбиту, параметры которой определит расчетный центр нашей Базы и которую согласует Транспортный Совет. Все согласны?

Брюн согласен.

Доктор Перейра полностью поддерживает такое решение, и к нему присоединяется Вацлав-геогигиенист.

— Заводить буксиры, шеф? — спросил Гуллакян.

Болл кивнул. Это надо сделать в любом случае.

— А если они не были на Карантине? — спохватился Гуллакян. — Ведь романовская астрогация — дело ненадежное, да и непонятно, как они очутились здесь, если садились на Карантине...

— В отличие от двух последующих экспедиций они могли перед посадкой на Карантине включить старт-автоматику, — возразил Костин.

— И главное, — сказал Болл, — главное — вдруг они все же там были?

— Но ведь на корабле, — вмешался в общий разговор Шорак, — может быть ценнейшая информация! И ради нее стоит рискнуть! Пусть кто-то один отправится туда. В крайнем случае мы рискуем только одним человеком. Добровольцем. — Он замаялся. — Мной.

— А если там нет этой ценнейшей информации? — спросил Костин.

— И существует ли вообще информация, за которую нужно было бы отдавать жизнь? — холодно поинтересовался Болл.

— Но ведь вам самому случалось рисковать, шеф-пилот!

— Однако я до сих пор жив. Что вряд ли оказалось бы возможным, рискуй я так.

— Совещание окончено, — объявил Костин. — Спасибо. Расчетная орбита «Велоса» будет сообщена вам через...

— Нет, — жестко прервал его Болл. — Расчетная орбита нам не нужна. — Напряженное ожидание последних часов превратилось в холодное, злое упорство. Если все уклоняются от решения, кому-то надо брать ответственность на себя.

Костин воззрился с экрана, как будто ему показали инопланетянина.

— То есть?

— Я не собираюсь отводить «Велос» на стационарную орбиту, Миша.

— Почему?!

— Потому что это не дает гарантии. Потому что всегда найдутся энтузиасты, вроде нашего стажера, которые полезут за гипотетической информацией...

— На столь же, между прочим, гипотетическую гибель... — вставил Гуллакян. — Я согласен со стажером, Боря.

— Бунт на корабле... — Болл улыбнулся, но улыбка была чисто механической. — Теперь ты понимаешь, Миша, что его надо...

— Уничтожить? Последний из романовских кораблей? Пойми, его нужно сохранить — как музейную ценность наконец! Ведь опасность в самом деле гипотетична, а ценность несомненна. Да и с опасностью сумеем же мы справиться когда-нибудь! А пока выставим надежную охрану, со временем поставим барраж...

Когда-нибудь... Болл знал цену этому «когда-нибудь». Потому что была еще и четвертая высадка на Карантин. Высадка, о которой знал только Болл. Патрульный космоскаф пошел на посадку, и остановить его Боллу было нечем. Вагин, второй пилот «Синдбада», проработавший в патруле всего месяц, направленным лучом передал на космоскаф Болла: «Хочу попытаться. Иначе не могу. Кто-то ведь должен...» Официально Болл доложил, что космоскаф Вагина потерпел аварию в результате столкновения с метеоритным телом. Потому что сказать правду значило слишком многим доставить горе большее, чем от известия о такой вот случайной гибели. Но с тех пор Болл не верил в «когда-нибудь».

— Миша, меня зовут Борис Болл, и мой карт-бланш XXVI-A-029.

— Ты хочешь?

— Да. И отчитываться я буду только перед Советом Астрогации.

Пилотам Пионеров и Дальней Разведки часто приходилось принимать решения, выходящие за пределы компетенции обычных командиров кораблей. Поэтому наиболее опытные из них получали карт-бланш, предоставлявший им автократию на неисследованных планетах и даже в нейтральных пространствах освоенных уже систем — вне стамилионнокилометровой территориальной зоны, в пределах которой по космическому праву любой корабль подчинялся местным Советам.

Космоскаф находился в ста двадцати семи миллионах километров от Ксении, и Болл решил использовать свой карт-бланш.

Костин понял это.

— Боря, — сказал он, — эх, Боря... — И отключился.

— Шорак! — Слова Болла были отрывисты и сухи. — Пристыкуйте «мирмеки» к «Велосу».

— Шеф-пилот...

— «Походный устав», параграф 17.31

— Есть, шеф-пилот! — мертвым голосом сказал Шорак и забубнил: — КСГ борт. 73 к М-213, М-217, М-222...

— Гуллакян, дайте траекторию на НИС-641.

Гуллакян молча отвернулся к вычислителю. По экрану траектографа поползли разноцветные кривые. Их движение все

убыстрялось. Постепенно их становилось меньше, они сливались и вдруг замерли одной четкой зеленой чертой, тут же возникшей и на курсографе.

Болл положил руки на клавиатуру ходового пульта.

Гуллакян, рывком развернув свое кресло, ударил его каменом холодным и тяжелым взглядом.

— Это трусость, — очень тихо и очень зло сказал он. — Вы просто трус, шеф-пилот. И ответите за это.

— Отвечу, — кивнул он.

IV

Соединенные усилия трех «мирмеков» уверенно влекли «Велос» к НИС-641, солнцу Ксении, а на расстоянии двух десятых мегаметра параллельным курсом следовал космоскаф.

В рубке царило молчание, наполненное комариным звоном гравитров да изредка простреливаемое короткими диалогами, состоящими из строго уставных фраз. Болл и не пытался пробить брешь в немоте, отделившей его от экипажа, зная, что сейчас это бессмысленно. Может быть, потом...

Дважды Шорак связывался с базой, и Болл разговаривал с Костиным. Хотя тот явно поостыл, разговор все же носил несколько натянутый, подчеркнuto официальный характер. Впрочем, Болла скорее удивило бы обратное. Он знал, что поймут его не сразу. И не все.

На пятые сутки Болл начал маневр расхождения. «Велос» и «мирмеки» продолжали идти прежним курсом, все ускоряясь, — уже не только за счет энергии гравитров, но и притягиваемые исполинской массой светила. Космоскаф же понемногу отставал, не выпуская их из поля зрения локаторов.

Трое в ходовой рубке не сводили глаз с экрана, на котором медленно таяла в огненном буйстве хромосферы точка последнего романовского корабля. Затем Болл передал Гуллакяну управление и приказал возвращаться.

— Это славная могила, Геворк, — устало сказал он. За эту неделю он действительно очень устал. — Лучшая, какую они могли получить...

Ни слова, ни тон, какими они были сказаны, не перекинули даже шаткого мостика между ним и его молчаливым экипажем. Да Болл и не рассчитывал на это. Шорак, прекрасный — побольше бы таких — мальчик; Гулакян, великолепный пилот, хотя для командира и чересчур горячий, — оба они не могли принять горькой правоты его решения. Но были и другие. Шайгин, шеф-пилот «Кристы»; Трессель, поведший свой «Хаммер» на последнюю посадку потому лишь, что его ждала не известная опасность, а неизвестность; и, наверное, даже экипаж «Велоса» — эти поняли бы его. И там, в Земляндии, в Совете Астрогации найдется немало таких, кто понимает не только умом, но и сердцем, что прошло уже то время, когда за любую крупицу знания Человечество жертвовало жизнями людей. Что сейчас, когда жизнь человека стала высшей ценностью Человечества, пришла пора пересмотреть многие критерии и понятия. Слишком это дорогая цена за знания —

кровь. Ею могли платить в те времена, когда Человечество было заперто на одной планете и с непостижимой расточительностью бросалось всем: людьми, природными ресурсами, — едва не погубив при этом себя. Но сейчас это уже невозможно. И кто почувствует себя вправе воспользоваться знанием, добытым такой ценой? И если правда, что индивид в своем развитии повторяет историю вида, тогда понятно, откуда в молодых так много этой реликтовой жертвенности — той, которая заставила Шорака требовать, чтобы его пустили на «Велос». Это можно понять, но нельзя допустить.

— Вы не станете возражать, если я спишусь с «Сирруса», шеф-пилот? — нарушил молчание Шорак. Он мог и не спрашивать, но поступить иначе было бы неэтично, да и вообще не в характере стажера.

Болл покачал головой.

— Нет нужды, Карел. А вы, Геворк, готовьтесь принять «Сиррус». Вот вы и дождались...

Три года назад, когда Болла назначили на «Сиррус», Гуллакян, уже бывший к тому времени первым пилотом, сам надеялся занять это место. Естественно, кому же из пилотов не хочется иметь свой корабль... И хотя ни тот, ни другой ни разу не обмолвились об этом, понадобилось почти два года, чтобы их отношения из осторожно-отчужденных превратились в почти дружеские. Ненадолго, увы.

— Что вы хотите сказать, шеф-пилот? — спросил Гуллакян.

— С «Сирруса» спишусь я, Геворк. И вам обоим не придется летать с... могильщиком, — да, я слышал ваш вчерашний разговор. — Шорак густо покраснел и отвернулся. Болл продолжал: — Через полтора месяца пойдет в Земляндию «Дайна», и я полечу докладывать Совету Астрогации. Вместе с Костиным, вероятно. Потом останусь на Земле: меня приглашали преподавать в Академии, и я, пожалуй, это приглашение приму.

Охотнее всего Болл ушел бы в каюту и постарался уснуть, будь он на «Сиррусе» или любом другом корабле. Но космоскаф есть космоскаф, и здесь никуда не денешься из своего кресла. И он продолжал сидеть, молча глядя на носовой экран, где сверкающая точка Ксении медленно превращалась в диск.

